

Ксения Аксёнова

Поэт, переводчик. Родилась в г. Липецке. Окончила ЛГПУ им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского. Преподаватель английского языка ЛГПУ, кандидат филологических наук. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Звезда» и других. Живёт в г. Липецке.

Память шла под лёд молчания,
жаркий и живой,
ничего не взяв заранее,
кроме вековой
пыли, книжной и просёлочной.
Лето напролёт
эхо памяти осколочно
тоже шло под лёд.
Там — не больно и не холодно —
не отчаяться.
Сон её земной недолог, но
не кончается.

В легкомысленном припадке
женской суеты
я воюю с беспорядком,
действия просты:
мойдодырю, пылесошу,
не жалея сил,
и грущу над бездорожьем
сохнувших чернил.

Сна
ни в одном глазу,
знай,
я тебе несу
дрожь
и гипноз огня,
нож
слюдяного дня,
тень
виноградных лоз,
лень
близоруких ос,
мёд
вековой сосны,
лёд
городской весны,
гроздь
карамельных бус,
злость,
поцелуй,
укус...

Этот вечер движется на убыль,
и не пить становится нельзя.
У меня — обветренные губы,
у тебя — горячие глаза.
Наш автобус едет наудачу
по весне, по дождевой грязи,
за конечным пунктом будет дача —
та, куда меня ты пригласил.
Это чувство жадного азарта
тёплой рыбкой бьётся в животе —
мы сидели за последней партой
в прошлой жизни, в сбывшейся мечте...
А теперь я еду в неизвестность,
может, это даже западня.
Ты вино тестируешь на крепость
и глядишь внимательно в меня
бирюзовым, жалящим прищуром,
будто ищешь потайные швы...
Это — не простые шуры-муры,
это — электричество любви.

От забытья — на волоске,
в удушье паники усталой,
безвольной рыбой на песке
я ветер замерший глотала.

А в голове была вода,
она со мною говорила:
«Зачем ты просишься сюда,
в тяжёлый сон гнилого ила?»

Но я лежала — ни гу-гу —
ждала, когда волна воскреснет,
придёт — откуда, неизвестно,
и съест меня на берегу.

Нарастает гул
первобытный — над,
только и могу,
что пробормотать
слов калейдоскоп,
мол, как хорошо,
что я далеко
от себя ушёл —
в зимний тарарам,
в серебристый сон,
где остался шрам
на снегу босом,
где стоит заря
в огненной парче:
если всё не зря,
то зачем, зачем?..

Д. О.

Ничего не лечится весельем.
Ничего не кончится дотла.
Ты поёшь, как колокол весенний,
в мареве нестойкого тепла.

Далеко, во сне, за многословьем
длится ночь и время тишины.
У тебя в крови — средневековья
жаркий гул и мужество слышны.

Говоришь светло и васильково,
заглушая свечку темноты,
что одно на всех даётся Слово,
чтоб гореть глаголом золотым.